

О переводе на русском примере

Когда мы говорим о переводе, то обычно предьявляем выражение на иностранном языке, показываем, как его можно перевести, и объясняем, почему так перевести можно, а эдак нельзя. Неважно, знает ли тот, кому мы объясняем, этот иностранный язык. Если знает, он поспорит, а нет, так поверит вам на слово – всё зависит от того, насколько вы убедительны. Но вот какая мысль пришла мне в голову в связи с шутливым переводческим опытом выдающегося теоретика и историка перевода Ю.Д. Левина (1920–2006), который «перевел» Пушкина с русского на русский: здесь легче показать трудности и особенности процесса перевода. Прежде чем привести его опыт, необходимо пояснение.

Дело в том, что в русском языке сосуществует два стилистических субстрата, как бы два языка: славянский и русский. Сравните, например, «очи» и «глаза», «уста» и «губы», «власы» и «волосы». И, как правило, славянизмы (назовем их так) относятся к высокому стилю и придают речи характер поэтический, возвышенный.

Что касается самого Пушкина, он временами посмеивался над поэтическими условностями, связанными с языком: просит прощения у Шишкова, что не знает, как перевести с французского *Discompte il faut* (ду ком иль фо – фр. как следует; здесь: человек, владеющий навыками светского общения, принятый в обществе как свой. – ЕО 8, XIV – первое число указывает главу в романе, второе – строфу). Иногда он довольно просто описывает будни (язык вполне себе русский:

А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,

Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым... (ЕО 1,
XXXV).

Или катанье на первом льду:

Опрятней модного паркета
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает... (ЕО 2, XLII)

Роман в стихах потребовал новых поэтических форм, и Пушкин был готов к эксперименту.

В 1826 году после приговора над друзьями декабристами А.С. Пушкин написал стихотворение «Пророк», в котором переосмысливает роль поэта в образе пророка. Стихотворение сюжетное, и его начало отсылает нас к опыту пророка Исаяи и его преображения. Но если у Исаяи серафим по велению Божьему очищает ему нечистые уста, то у Пушкина пророку преображают глаза (зеницы), уши, а также заменяют язык на змеиное жало, сердце – на пылающий уголь, в конце же Богу Своим гласом нужно было воскресить (восставить) того, кто лежит, как мертвый, после многоступенчатой операции. В лексике стихотворения преобладают славянизмы.

Юриц Давидович Левин был студентом, когда в окопе под Ленинградом неосознанно осуществил в высшей степени важную для науки о переводе операцию: как бы расщепил стихотворение, отделив переводимое в нем от непередаваемого. Одновременно ученый доказал, что подобный «перевод» (в этом случае в пределах одного языка, но из одного «штиля» в другой) мгновенно разрушает глубину и очарование гениальных пушкинских строк.

Вот его опыт:

Пушкин	«Перевод» Ю.Д. Левина
Восстань, пророк, и виждь, и внемли, Исполни волею моей И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей.	Вставай, пророк, смотри и слушай, Мои приказы исполняй И, обходя моря и сушу, Сердца словами зажигай.

Помню, как, впервые увидев эту трансформацию, я был неприятно поражен формой семантически неизменённого сообщения. Впрочем, и это не совсем так. Замена неравноценна и по смыслу: «восстань» ≠ «вставай». Восстань – скорее, воскресни. А перекодирование второй строки превращает творческую личность в простого исполнителя приказов. Я потом использовал его опыт, но заменил приказы на веленья, что ничего, по сути, не меняет.

В апреле 2017 года я решил на небесспорную задачу «перевода» всего стихотворения Пушкина на русский язык. Я задумался над проблемой недопонимания современного русского

языка теми, кто родился еще в 20 веке, и наоборот. Молодые люди не понимают языка прошлого. Отдельный вопрос, хотят ли они понимать, нужно ли им это, выносим за скобки.

Прежде я спрашивал, как люди разного возраста понимают следующие строки:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье?

Если гром на небе в первой строке еще узнавался (хотя тут может быть беззвучное движение небесных сфер), то ангелы уже летали над горами, гады в морях ходили, а лоза замерзала вдали. Я предлагал им для сравнения такой перевод последней строки: «Лозы' в долине прорастанье». Внял – услышал, поэтому «я услышал, как растет в долине лоза».

Итак, представляю свой эксперимент, который тогда уже не встретил понимания, по трансформации великого произведения. Впрочем, у Высоцкого есть похожий опыт: «Как ныне собирается вещий Олег / Щита прибывать на ворота, / Как вдруг подбегает к нему человек / И ну шепелявить чего-то...» («Песня о вещем Олеге» – вместо «Песнь»). К этой шутке относятся с большим пониманием.

Но вот к какому выводу я хочу вас подвести. При чтении вы обнаружите осторожную замену славянизмов на «русизмы», при замене слов приходится искать другую рифму, а это, в свой черед, приводит к замене образов и т.д. Похожим образом выглядит перевод поэтического произведения с любого иностранного языка на русский, с такими вот трудностями сталкивается переводчик, а перевод в большей, а чаще в меньшей мере похож на оригинал. Так, казалось бы, переводимое оказывается в принципе непереводаемым.

ПРОРОК

Пушкин	Современный русский
<p>Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влачился, И шестикрылый серафим На перепутьи мне явился. Перстами легкими, как сон, Моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы, Как у испуганной орлицы. Моих ушей коснулся он, И их наполнил шум и звон: И внял я неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье. И он к устам моим приник, И вырвал грешный мой язык, И празднословный, и лукавый, И жало мудрыя змеи В уста замершие мои Вложил десницею кровавой. И он мне грудь рассек мечом, И сердце трепетное вынул, И угль, пылающий огнем, Во грудь отверстую водвинул. Как труп, в пустыне я лежал, И Бога глас ко мне воззвал: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, Исполнись волею Моей, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей».</p>	<p>С духовной жаждою в глазах, В ночной пустыне я метался, – Мне ангел о шести крылах На перекрестке повстречался. Касаньем бережным, как сон, В мои зрачки толкнулся он. И стал я видеть взором вещим Любую сущность каждой вещи. Моих ушей коснулся он, – И их наполнил шум и звон: И я услышал неба звуки, Небесных ангелов полет, Как плещут рыбы в безднах вод, Как травы тянут к небу руки. Он за язык меня схватил и вырвал, напрочь удалил, Бездумный, лживый и лукавый... Премудрой жало он змеи Сквозь губы стылые мои Просунул пятерней кровавой. И он мне грудь рассёк мечом и сердце в руки дал: держи, мол, А уголь, пышущий огнем, Во грудь раскрытую вложил мне. Как труп, в пустыне я лежал, Когда Господь ко мне воззвал: «Вставай, пророк, смотри и слушай, Себя ты Духом наполняй, И, обходя моря и сушу, Сердца словами зажигай».</p>